

Глава 17. Гуйнин

Гу Чжао быстро осознал, насколько утончённым был повседневный быт Жуна Цунцзиня. Тот спал на шёлковых подушках, укрывался тончайшим атласом, а полог его резной кровати был выполнен из «лёгкой дымки» — газа, за каждый рулон которого отдавали сотню золотых. Просыпался он лишь к часу дракона. Стоило ему открыть глаза, как две служанки бесшумно входили в покои, чтобы помочь с туалетом. В домашней обстановке Цунцзинь предпочитал простые наряды, а волосы его украшала лишь единственная шпилька из белого нефрита в форме узла «фаншэн».

За трапезой подавали не меньше шести-семи блюд и два вида супа, а среди множества сортов чая он неизменно выбирал «Изумрудные пики Цаншань». Служанки заранее ставили цинь на столик, но Жун Цунцзинь редко прикасался к струнам. Гу Чжао успел сойтись с Фу Тун, и та по секрету поведала ему, что их господин — истинный мастер игры на гуцине, не уступающий в искусстве владения флейтой и сяо. Более того, в облавных шашках он был настолько силён, что даже сыновья маркиза Динъюаня не могли его одолеть. Однако Жун Цунцзинь никогда не выставлял свои таланты напоказ. Вместо этого после полудня он любил полулежать на кушетке, подложив под бок расшитую цветами и птицами подушку цвета индиго, и с мягкой улыбкой наблюдать, как Гу Чжао забавляется со сверчками.

Когда Князь Жуй притаскивал на кушетку яшмовый сосуд с резным горным пейзажем, чтобы столкнуть в нём двух насекомых, Цунцзинь ничуть не сердился. Напротив, он с интересом спрашивал, который из бойцов сильнее.

Здесь Гу Чжао чувствовал себя как рыба в воде. Он выпячивал грудь и пускался в пространные объяснения: как выбирать лучших сверчков, чем их кормить, как по узору на спинке и по звуку стрекотания определить истинного воина. Он вдохновенно рассуждал о различиях между настоящими бойцами и «пустоцветами», способными лишь на красивый вид. Обо всех этих тонкостях он мог говорить три дня напролёт, и всё равно бы не закончил.

Обычно забавы со сверчками считались уделом праздных гуляк, недостойным благородного мужа. Когда его отец взойшёл на престол, он первым же указом велел уничтожить все сосуды для сверчков в императорском дворце и запретил членам правящего дома подобные развлечения. С тех пор Гу Чжао предавался своей страсти лишь за закрытыми дверями дворца Юннин.

— Просто смотреть, как они бьются, пожалуй, скучновато, — обронил Жун Цунцзинь.

Лицо Гу Чжао тут же вытянулось.

«Неужели и он начнёт меня отчитывать за любовь к этим "низким" вещам?»

От подобных нотаций у него уже давно набили оскомину уши. Князь понурился, и над его головой словно сгустились грозовые тучи.

— Почему бы нам не заключить пари? — раздался смешливый голос Цунцзиня.

— На что спорим? — Гу Чжао мгновенно просиял.

Впервые кто-то, узнав о его увлечении, не стал насмехаться над «привычками повесы». И этим кем-то был его супруг. Тучи в душе князя рассеялись, уступив место ликующему восторгу.

В комнате было светло и чисто. Лёгкий ветерок просачивался сквозь бамбуковые шторы, а солнечные блики играли на лице Жуна Цунцзиня, подчёркивая его безупречную, почти неземную красоту. Гу Чжао на мгновение замер, замороженный этим зрелищем, а затем, повинуясь порыву, накрыл своей ладонью — тёплой, сильной и всё ещё по-юношески порывистой — изящную руку супруга.

С момента свадьбы прошло всего несколько дней, но Цунцзинь никогда не отвергал его близости. Гу Чжао уже привык к таким проявлениям нежности. Иногда в глубине души он ощущал трепет, но тут же успокаивал себя мыслью: «Наверное, в этом и есть смысл брака. Законным супругам и положено так себя вести».

— Если победит Чёрный генерал, — Цунцзинь коснулся пальцем сверчка с блестящей чёрной спинкой, который как раз чистил свои зазубренные передние лапки, — тогда Князь поцелует меня. А если победит Генерал Золотая Броня...

Он сделал паузу. Сердце Гу Чжао пропустило удар, словно его коснулись павлиньим пером.

— А если победит Генерал Золотая Броня, что тогда? — нетерпеливо выдохнул он.

— Тогда я поцелую Князя, — тихо произнёс Цунцзинь. Он выглядел немного смущённым, но в глазах его по-прежнему плясали искорки смеха.

В душе Гу Чжао словно тронулся лёд, открывая путь потокам розового света.

— Идёт! — громогласно объявил он, засучивая рукава и сосредотачиваясь на бое.

Он был признанным знатоком и годами оттачивал своё мастерство. В какой-то степени он даже мог направлять ход сражения. Склонившись над кушеткой, Гу Чжао лихорадочно соображал: он до смерти хотел поцеловать Цунцзиня... прямо сейчас, не в силах ждать ни секунды. Значит, должен победить Чёрный генерал.

Князь осторожно коснулся травинкой спинки крупного чёрного сверчка. Тот мгновенно перешёл в яростную атаку, тесня противника и издавая победное стрекотание.

Но если Цунцзинь сам поцелует его... Гу Чжао замер, на мгновение выпав из реальности.

Такого ещё никогда не бывало. Пожалуй, этого он ждал даже больше.

Пока он колебался, два сверчка, разделённые лишь тонкой нефритовой пластинкой, неистово жужжали крыльями.

Жун Цунцзинь, видя его озадаченный вид, не выдержал и тихо рассмеялся, отвернувшись. Он знал: когда Гу Чжао делает такое серьёзное лицо, это значит, что в голове у него абсолютная пустота.

— Ой!

Пока князь витал в облаках, маленький сверчок с золотистыми отметинами на спинке изловчился и проскользнул в щель между пластинкой и стенкой сосуда. Он зашёл Чёрному генералу в тыл и яростно вцепился в него.

Ситуация на поле боя изменилась в мгновение ока. Чёрный генерал отчаянно пытался сбросить нападавшего, но силы были неравны. Спустя несколько секунд он издал слабое, жалобное стрекотание — его боевой дух был сломлен.

Гу Чжао поспешно отогнал Генерала Золотую Броню в сторону. Тот горделиво застрекотал, задрал голову, в то время как Чёрный генерал забился в угол, не смея издать ни звука.

— Похоже, Генерал Золотая Броня победил, — заметил Цунцзинь, слегка наклонившись над сосудом.

Гу Чжао молчал. Его щёки залил густой румянец, губы мелко подрагивали, а взгляд стал рассеянным.

— Я не привык нарушать условия пари, — с улыбкой произнёс Цунцзинь.

Он выпрямился и, обняв юношу, всё ещё сжимавшего в руке травинку, коснулся ладонью его лица. Слегка наклонив голову, он запечатлел на щеке Гу Чжао нежный, ласковый поцелуй.

Тонкий аромат сливы, смешанный с теплом человеческого тела, окутал князя, словно шёлковое облако. Ему показалось, будто он задремал под цветущим деревом, а проснувшись, обнаружил, что весь осыпан белоснежными лепестками.

Гу Чжао на миг провалился в это сладостное забытие, и лишь спустя время к нему вернулся дар речи.

— На самом деле... — пробормотал он в замешательстве.

— М-м? — мягкая рука Цунцзиня скользнула вниз по линии его челюсти и остановилась на шее.

— На самом деле Чёрный генерал обычно сильнее, — выдохнул Гу Чжао, чувствуя, как от смущения у него буквально «закипает» голова.

В следующий миг он резко повернулся и накрыл своими губами нежные, словно лепестки, губы супруга.

Дыхание переплелось, тела прижались друг к другу без малейшего зазора. Гу Чжао почувствовал, как внизу живота разгорается жар, стремительным потоком разливаясь по венам. Повинуясь инстинкту, он попытался нависнуть над Цунцзинем, но в этот момент край его одежды, зажатый под сосудом со сверчками, резко натянулся.

Раздался звонкий хруст, похожий на звук сталкивающихся льдин в весеннем потоке.

— А-а! — вскрикнул Гу Чжао.

Он в ужасе посмотрел вниз и, забыв обо всём, босиком спрыгнул с кушетки.

— Би Тао! Фу Тун! Скорее сюда! Помогите найти сверчков!

Драгоценный яшмовый сосуд разлетелся вдребезги, и два маленьких пленника, почуяв свободу, радостно устремились к окну, за которым в саду зеленела листва и цвел жасмин.

Жун Цунцзинь на мгновение замер, а затем, откинувшись на подушки, расхохотался. За окном в лучах яркого солнца заливались птицы, а ветерок приносил в комнату сладкий аромат цветов.

***

Служанки долго помогали ему в поисках, но найти удалось только Чёрного генерала. Гу Чжао в унынии достал запасной сосуд и бережно пересадил туда беглеца.

«Правду говорят в книгах: красота губит государства», — мрачно подумал он.

— Погода становится теплее, в саду полно сверчков. Я помогу Князю наловить новых, они наверняка будут ещё лучше Генерала Золотой Брони, — мягко утешил его Цунцзинь, подойдя ближе. — В саду поместья Динъюань тоже много тенистых мест среди камней, там наверняка найдутся добрые певцы. Я напишу в поместье, чтобы нам помогли с поисками.

— Не стоит, — Гу Чжао махнул рукой, и настроение его снова улучшилось.

Он и сам понимал, что его страсть не слишком почтенна. Одно дело — забавляться в собственном поместье с супругом, и совсем другое — выставлять это напоказ перед семьёй маркиза. К тому же он втайне надеялся, что в поместье Динъюань его сочтут надёжным и степенным мужем, которому можно без опаски доверить Жуна Цунцзиня.

— Господин, из поместья прислали медовые и масляные паровые лепешки, — в комнату вошла Би Тао, неся лаковую шкатулку. Она поставила её на круглый стол из красного дерева и открыла крышку.

— Нам ведь пора навестить поместье маркиза? — Гу Чжао подался вперёд, и взгляд его стал серьёзным.

Обычно на следующий день после свадьбы новобрачные наносили визит родителям жены. Иногда это случалось на третий день. Но в императорской семье этикет был настолько сложен, что первые дни уходили на бесконечные церемонии. Видимо, в поместье Динъюань, не дождавшись вестей от Князя Жуй, решили деликатно напомнить ему о долге, прислав угощение.

— Да, — подтвердил Цунцзинь.

— Подарки готовы? — машинально спросил Гу Чжао. Обычно он не вникал в такие дела, полагаясь на слуг.

— Всё уже собрано, — кротко ответил Цунцзинь. — Если Князь свободен, прошу его сопроводить меня в родительский дом.

Гу Чжао тут же вскочил и закивал, направляясь за ширму.

— Разумеется. Я только переоденусь, и сразу в путь! Сяо Лэцзы!

С галереи донёсся отклик, и служанка отворила дверь.

— Приветствую Принцессу-консорт, — вошедший маленький евнух с круглым, добродушным лицом сначала поклонился Цунцзиню.

Тот кивнул, и Сяо Лэцзы, отвесив ещё полпоклона, поспешил к князю. С тех пор как в поместье вошёл новый хозяин, многие обязанности Сяо Лэцзы перешли к служанкам Принцессы-консорт. Редко выпадал случай проявить себя, поэтому он с особым тщанием помог князю облачиться в тёмное одеяние с прямым воротом, расшитое серебряным узором «бегущая волна». Пояс из белой кожи, украшенный пластинами из рога носорога, подчёркивал стройную, крепкую фигуру юноши.

Высокий и статный, словно молодой бамбук, Гу Чжао преобразился.

Би Тао и Фу Тун невольно замерли. Они знали, что Князь хорош собой, но он всегда выглядел неряшливо: одежда в складках и пятнах, волосы вечно растрёпаны. Они привыкли видеть в нём просто добродушного и простого человека, но никак не ожидали, что, стоит ему привести себя в порядок, он окажется столь блистательным красавцем.

В чертах Гу Чжао всё ещё сквозила юношеская мягкость, но в последнее время он немного осунулся, отчего контуры лица стали более чёткими и мужественными. Он находился на той тонкой грани, когда юноша вот-вот превратится в зрелого мужа.

Жун Цунцинь сидел на резном табурете и с мягкой улыбкой наблюдал за ним.

— Не хочу это надевать, — Гу Чжао мгновенно разрушил образ величественного принца, с недовольным видом срывая с пояса нефритовую подвеску. — Принеси мой ароматический мешочек.

Сяо Лэцзы на миг растерялся, но Би Тао быстро подала нужный мешочек с благовониями.

Надев ароматический мешочек, собственноручно вышитый супругом, Гу Чжао бережно расправил кисточки, и в его глазах промелькнуло довольство.

— Я сопровожу тебя, — он протянул руку Цунцинью.

— Благодарю, Князь, — Цунцинь коснулся его ладони, и в его янтарных глазах отразилась нежность.

По правилам, чем богаче дары для гуйнина, тем больше уважения выказывает семья мужа. Поскольку Князь Жуй жил в собственном поместье, всеми делами заправляла Принцесса-консорт. Обычно императрица присылала долю подарков от себя, но в последнее время в Хойчжоу было беспокойно. Четвёртый принц на праздничном пиру сумел угодить императору, подарив ему великолепную яшмовую композицию, и его мать, Дстойная наложница Сянь, получила право помогать в управлении внутренним дворцом.

Пока Четвёртый принц и его мать праздновали успех, Наследному принцу и императрице приходилось несладко. Управление дворцом — дело хлопотное и неблагодарное, особенно когда император требует ежедневных пиров. Им было не до Князя Жуй.

Поэтому подарки для гуйнина Цунцинь готовил сам. Он не хотел излишней пышности, поэтому ограничился стандартным набором: пятьдесят рулонов шёлка, двадцать кувшинов вина, два новых наряда, триста лянов серебра и пара фазанов.

Когда слуги вынесли дары в главный зал, Гу Чжао нахмурился.

— И это всё?

— Этого вполне достаточно, — мягко ответил Цунцзинь.

Гу Чжао промолчал, но в нём проснулось упрямство. Когда его невестка возвращалась в родительский дом, за ней несли восемнадцать повозок с драгоценностями. Почему же его супруга должны провожать всего пара диких птиц?

— Нет, так не пойдёт, — отрезал он.

Князь лично открыл сокровищницу и велел добавить к дарам жемчуг, янтарь, хрусталь и нефритовые браслеты. Для шурина он приготовил седло, украшенное узором из облаков и журавлей, и два великолепных хлыста, инкрустированных черепаховым панцирем.

Он не знал, какие украшения сейчас в моде у столичных дам, поэтому просто выбирал самое крупное и яркое: необработанные камни нефрита и горного хрусталя, а также кусок рубина размером с кулак младенца. Всё это богатство сложили в сундуки из красного дерева, инкрустированные перламутром. Когда число ящичков перевалило за десяток, Гу Чжао хотел было продолжить, но Цунцзинь остановил его, взяв за руку.

— Князь, довольно. Если мы возьмём больше, это нарушит придворный устав.

— Что ж, пусть пока будет так, — нехотя согласился Гу Чжао. Он обернулся к слугам, приказывая выносить сундуки, и серьёзно добавил: — В следующий раз, когда мы соберёмся к твоим родным, я добавлю ещё.

Он посмотрел на Цунцзиня и твёрдо произнёс:

— Всё, что тебе любо, — всё станет твоим.

<http://bllate.org/book/13698/1584598>